

На полях фестиваля ЗВС-24 гость из Санкт-Петербурга Никита Игоревич Явейн, народный архитектор РФ, академик РААСН, победитель многочисленных российских и международных конкурсов, дал интервью журналу «Проект Байкал».

Ключевые слова: архитектор Н. Явейн; проекты; постройки; ученики; мастерская; Петербург. /

On the sidelines of the Festival ZVS-24, Nikita Igorevich Yavein, a guest from St. Petersburg, People's Architect of the Russian Federation, academician of the RAACS, winner of numerous Russian and international competitions, gave an interview to Project Baikal journal.

Keywords: architect N. Yavein; projects; buildings; apprentices; studio; St. Petersburg.

^ Вокзальный комплекс «Ладожский» в Санкт-Петербурге. Фото Максима Атаянца

Интервью с Никитой Явейном / Interview with Nikita Yavein

текст

Алена Мочальникова
Proctor Group (Новосибирск)

Елена Григорьева
Российская академия архитектуры
и строительных наук

Никита Явейн
Российская академия архитектуры
и строительных наук

text

Alena Mochalnikova
Proctor Group (Novosibirsk)

Elena Grigoryeva
Russian Academy of Architecture and
Construction Sciences

Nikita Yavein
Russian Academy of Architecture and
Construction Sciences

Алена Мочальникова Никита Игоревич, тема нашего фестиваля касается роли личности в архитектуре. И, конечно, мы говорим о влиянии личности архитектора на жизнь городов и стран, поколений людей. Скажите, пожалуйста, а кто на Вас как на архитектора оказал влияние? Как сложилась Ваша личность?

Никита Явейн Мой путь в профессию был в чем-то проще, чем у остальных, в чем-то сложнее. Грандиозную роль в моем становлении сыграл мой отец¹. Он повлиял на меня и в личностном плане, и в поведенческом, и даже в привычках. Что касается выбора профессии, то тут у меня в принципе не было выбора. Мне отец уже в детстве сказал, что я буду архитектором. Я – младший сын в семье, был любимцем отца, и он, конечно, хотел все, что он сам знает и умеет, в меня вложить. Поэтому уже в 4 года, когда меня спросили, кем я хочу быть, я ответил: «На букву И!». Все гадали, гадали и сдались, и тогда я гордо сказал: «Ирхитектор!». Так что у меня однозначно был только один профессиональный путь – архитектура.

Я надеюсь, что похож на отца, он всегда был для меня авторитетом. Сейчас мне очень смешно, но в ранние юношеские годы я немножко по-глупому начал соревноваться с ним, в чем-то спорить: ведь в 20 лет не очень понимаешь, что можно, что нельзя, не очень церемонишься. А ведь именно он дал мне высокий профессиональный старт. На четвертом

курсе института мы делали конкурс для Байкало-Амурской магистрали. В ту пору отец заведовал кафедрой «Архитектура и производственная эстетика» в ЛИИЖТе (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта). Он привлек к проектированию меня, моего старшего брата Олега, а я, в свою очередь, позвал с собой трех-четырёх самых талантливых ребят со своего курса в ЛИСИ (Ленинградский инженерно-строительный институт). Потом еще двоих Олег подтянул со своего потока в Академии художеств. И наша квартира стала такой серьезной архитектурной мастерской. Тут я получил первые навыки организации архитектурного производства, жесткого, бескомпромиссного архитектурного производства.

Елена Григорьева На БАМе – что это был за объект?

Никита Явейн Это был вокзал. И случилось невероятное: наша сборная команда его выиграла, этот конкурс! Но проектирование потом все равно Мосгипротрансу передали. А так, представляете, – маленькая кафедра архитектуры ЛИИЖТа выиграла у Мосгипротранса. Никто не предполагал, что такое возможно.

ЕГ У Вас типология с отцом перекликается, тоже вокзал...

Никита Явейн Вокзал. И темой дипломного проекта у меня был вокзал, само собой, куда мне было деться...

ЕГ Замечательный реализованный Ладожский вокзал в Санкт-Петербурге.

Никита Явейн Конечно, он не так спроектирован, как было в дипломе, но, во всяком случае, знание места сыграло свою роль. Такое несколько фантастическое сооружение. Оно было спроектировано за месяц. Построено в общей сложности за полтора года. И вообще такой сложносочиненный дом, я им очень горжусь, хотя качество строительства, конечно, ужасное, как и все было в то время. Но этот объект, конечно, любимый.

ЕГ И в Сочи, к Олимпиаде-2014, Вы снова проектировали вокзал...

Никита Явейн Вокзалы, знаете ли, это очень непростая тема. Оба раза – катастрофическая ситуация, когда в короткие сроки надо было вытягивать беспомощный, уже проваленный проект. Ладожский надо было к 2003 году построить, к 300-летию Санкт-Петербурга. И в Сочи была та же самая ситуация: за два года до Олимпиады мы взялись за проект.

АМ Никита Игоревич, получается, у Вас профессиональная династия?

Никита Явейн Династия, наверное, громко сказано. У отца родители были знаменитые медики, прекрасные врачи. Поэтому, наверное, нет. Отец – безусловно, и мы с братом. А вот мои дети уже не все в архитектуре – только младший сын Георгий.

ЕГ Насмотрелись, как папа всю жизнь посвящает...

^ Вокзал «Олимпийский парк» в Сочи. Фото Алексея Народицкого

Никита Явейн Да, наверное! Кроме того, это ведь страшно – под давлением авторитета оказаться. Такая перспектива пугает, и тут я своих детей понимаю.

АМ Общепринято, что личность всегда имеет направленность: всегда куда-то идет, куда-то движется, имеет какие-то свои цели и смыслы. Я не спрашиваю, конечно, про личные цели, но могли бы Вы сказать, какие профессиональные цели преследуете?

Никита Явейн Сложный вопрос. Вы меня просите рассказать, в чем смысл архитектуры. Это как «Войну и мир» пересказать... Моя профессиональная цель в текущий момент – сохранить особую профессиональную среду, в которой мне комфортно как архитектору. Потому что, по-моему, всюду она рассыпается, размывается понятия о том, что хорошо, а что плохо. Поэтому у меня есть своя мастерская, «Студия 44». Поэтому я веду курс в Санкт-Петербургской Академии художеств, создавая некую школу. Я бы сказал, взялся за преподавание меня вынудила ситуация, поскольку у меня возникло ощущение: если в текущем образовании ничего не менять, то лет через десять кому-то объяснять, что такое хорошая архитектура, будет уже поздно. Потому что будет полная пустота вокруг. Да, в Санкт-Петербурге наше влияние как архитектурной мастерской, как определенной архитектурной школы, довольно велико, мы практически един-

ственные имеем такое влияние; это позволяет надеяться, что сохраним в профессиональной среде настоящие архитектурные смыслы. В Питере и нынешний главный архитектор Павел Соколов прошел профессиональное становление в моем бюро, и многие молодые ведущие архитекторы в той или иной мере с нами связаны, они либо у нас работали по 10–15 лет, либо активно с нами взаимодействовали. Влияние на петербургское архитектурное сообщество – это, пожалуй, то единственное, что мы можем сделать, потому что в масштабах страны удар 1990-х, я считаю, профессия не выдержала, и все критерии – что хорошо, что плохо – расплылись.

АМ А что хорошо?

Никита Явейн Архитектура – это профессия, у которой есть некие правила игры, которая имеет собственные ценности. Это профессия сложная, комплексная, нагруженная многими смыслами. Она развивается, конечно, но от этого ее коренные установки не меняются. Сегодня многие этого: «а» – не понимают; «б» – вообще не считают нужным понимать.

АМ Подменяют смыслы?

Никита Явейн Не подменяют. Для того, чтобы подменять, надо их чувствовать. Увы, это встречается все реже и реже. И для какого-нибудь сегодняшнего молодого архитектора, может быть, тот же Павлов² просто смешон. Возможно, они не понимают, зачем у него цилиндр и внутренний треугольный

эркер здания. А я помню себя, студента, когда об этом его решении узнал, то подумал: «О, как круто!». Меня это так поразило! А сегодня большинство архитекторов скажет: «Зачем этот павловский выпендрег? Ведь столько квадратных метров теряешь...».

АМ Мне кажется, говорить о смыслах и целях очень важно, тем более Вы подчеркнули, что они утеряны архитектурным сообществом в 1990-е годы... и об этом мало говорят...

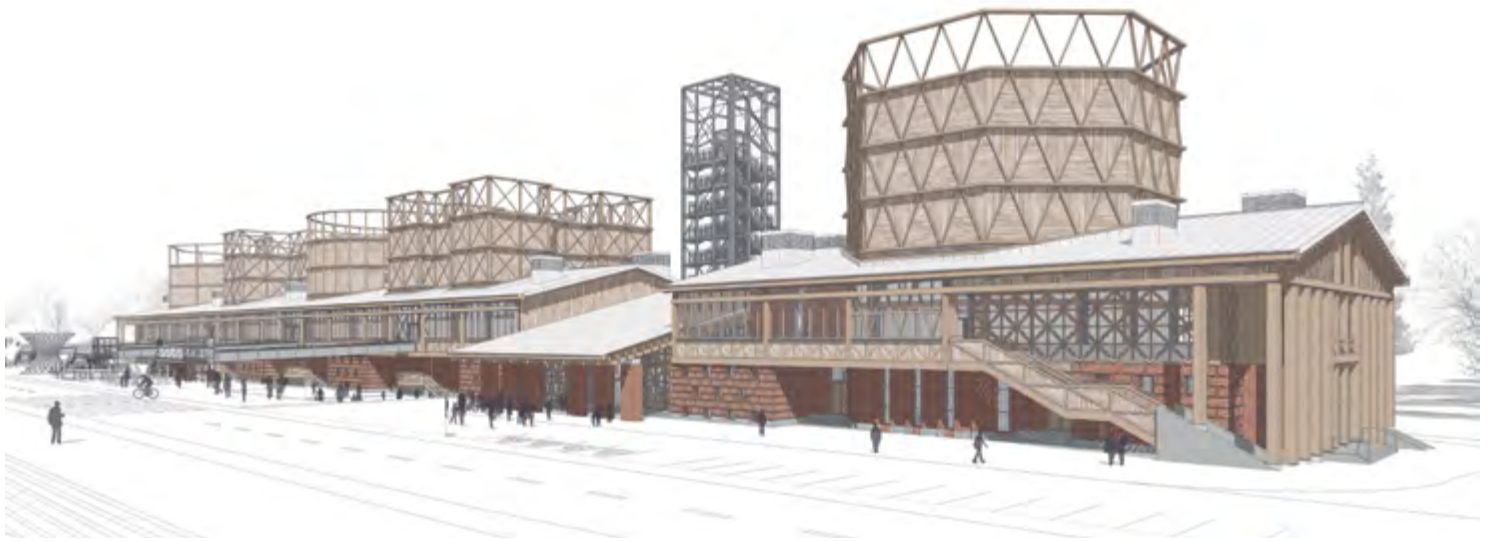
Никита Явейн Говорят-то много, но толку мало. Все время идет подмена архитектуры на политику какую-то – то ли экономическую, то ли социальную, то ли на дизайн всепоглощающий... И не надо думать, что это только у нас. Это общемировой процесс. Может быть, как и многие другие процессы, у нас это все происходит быстрее и разрушительней.

ЕГ Когда агитирую коллег участвовать в наших событиях сибирских, говорю, что официальным гостем фестиваля приглашен российский архитектор номер один. Никита Игоревич достиг признания международного. Всем известны победы в конкурсах российских и самых престижных зарубежных. Какова сейчас ситуация с международным участием?

Никита Явейн Участие в конкурсах – это, как правило, площадка для поиска хороших заказчиков, престижных заказов и так далее. Замечу, что мы, архитекторы, все-таки прагматики. Если у тебя

1. Игорь Георгиевич Явейн (1903–1980) – архитектор-конструктивист, теоретик и практик транспортной архитектуры, доктор архитектуры, профессор. По его проектам построено свыше 100 вокзалов (в Великом Новгороде, Курске, Дубулты в Латвии и др.).
2. Павлов Леонид Николаевич (1909–1990) – выдающийся представитель советского модернизма, в своем творчестве отдавший дань как конструктивизму, так и неоклассике. Автор около 1000 крупных проектов и построек («Дворец Советов в Сталинграде», аэропорт в Риге, театр в Петрозаводске, музей Ленина «Траурный поезд», музей в Горках Ленинских, а также станции московского метрополитена, вычислительные центры, станции техобслуживания автомобилей и др.).

есть потенциальный заказчик там, на Западе, то участвуй в конкурсе, если нет – не дергайся. Поэтому мы никогда особо не рвались самоутверждаться на мировой арене. Но в 2014 году нас попросили представить Россию на Международном архитектурном фестивале (WAF), показать наш Олимпийский вокзал в Сочи. Вот тогда я впервые увидел, как в «свободном мире» политика влияет на решения жюри. Вернее, услышал. В составе жюри были канадец, француженка и из Африки парень. Оценивая работы, они довольно громко переговаривались в нашем присутствии на французском языке, думая, что мы не понимаем. А я как раз лучше знаю французский, чем английский. И я слышу, как они говорят: «Олимпийский вокзал, конечно, лучший проект, но мы не можем дать Путину первое место». Это звучало много раз в разных вариациях, и так и решили. Я такие вещи очень не люблю. Это же мировой фестиваль архитектуры! В итоге отдали приз какому-то малопонятному проекту моста в Новой Зеландии, чем повергли в недоумение всех участников. Я тогда решил: ну нет, такой номер больше не пройдет, мы приедем в следующий раз и докажем, что мы лучшие. И в следующий раз на WAF у нас уже был серьезный десант. Представлял проекты уже не я, а наши молодые ребята с хорошим знанием английского, говорили без перевода. И мы тогда взяли сразу два первых места, это был конкурс в Сингапуре в 2015 году.

^ Музей науки и техники в Томске

v Концепция развития исторического центра Калининграда

Мы представляли Академию танца Бориса Эйфмана – в номинации постройки, лучшие образовательные учреждения, а еще – мастер-план центра Калининграда. Обе работы

заняли в своих номинациях 1-е место и были в шаге от получения Гран-при фестиваля. Мы шли с лидерами нос в нос, но уступили сингапурцам и BIGy.

ЕГ Сибирский вопрос. Мне кажется, что движение к современной деревянной архитектуре хоть и медленно, но идет. И по-настоящему оно началось после Вашей победы в конкурсе на Музей науки в Томске. Как Вы считаете, все-таки движется наша страна, великая лесная империя к тому, чтобы выдающиеся произведения современной деревянной архитектуры появились в стране и в Сибири, в Томске, в частности?

Никита Явейн К сожалению, нет. На мой взгляд – шаг вперед, два шага назад, потому что вся система пожарной безопасности жутко косная, и ее «передать» оказывается довольно сложно. В малоэтажной застройке будут какие-то позитивные подвижки, это да. А вот в строительстве домов повышенной этажности и крупных общественных зданий – вряд ли в ближайшее время. Сейчас обсуждается, чтобы внутренние конструкции разрешили делать из дерева, а фасады штукатурить или зашивать навесным материалом. Такие дома в четыре этажа уже есть... Но пока нет понимания дерева как материала, его ценности. И мы наблюдаем поэтому странные вещи: в 1990-е годы самые обеспеченные люди строили себе дома из дерева, а сегодня из камня.

ЕГ Я вчера так возликовала по поводу вашего объекта, вот этого...

Никита Явейн Это фондохранилище музея в национальном парке «Кенозерье» в Архангельской

области. И оно устроено как две независимые конструкции на случай возгорания. Одна – фактически бетонная, железобетонная скорлупа. А снаружи – стена, которая защищает и утепляет. Самонесущая, она абсолютно самонесущая! Даже специалисты по пожарной безопасности не сразу восприняли эту концепцию.

АМ Я вчера смотрела, как Вы рассказывали про питерский проект, где на плоскости создали эту разноуровневость и разновысотность на совершенно плоском рельефе, и это притягательно-красиво. И тут я сразу стала думать про наш с вами любимый Шерегеш, в котором такой богатый рельеф. Я себе так представила: какой шикарный проект мог бы там сделать архитектор такого масштаба, как Вы. Скажите, пожалуйста, при каких условиях Вы могли бы заняться градостроительным проектом для поселка Шерегеш?

Никита Явейн Мы сейчас любим такими градостроительными работами заниматься. Правда, они, как правило, кончаются ничем, и это обидно. Нужен какой-то механизм, который позволил бы не просто бумажную архитектуру рисовать. А насколько я знаю, в Шерегеше нет какой-то элементарной системы проведения в жизнь градостроительных решений. То есть он живет, как в 1990-е годы, в полном хаосе. И для меня свидетельством этого хаоса является то, что из одной планировочной зоны в другую нет прямого пути,

^ Академия танца Бориса Эйфмана. Фото Андрея Белимова-Гуцина

^ Депозитарий «Небесное Кенозерье»

только через объездную трассу. И другого пути нет. Это, конечно, очень мило, но с градостроительной точки зрения – просто безобразие. Правда, есть второй путь: спуститься вниз пешком, пройти 3 километра и подняться в другом месте. И третий путь – пиратским образом ехать через лес. Увы, в Шерегеше есть серьезные проблемы и в общей планировке поселка, и в его структуре. И пока не будет некоего механизма планового воздействия на эту среду, все идеи рискуют обернуться утопиями.

ЕГ Вы работали и в советское время, и в сложные 1990-е, работаете активно сейчас. Процент реализованных проектов относительно общего числа сейчас вырос или снижается?

И второй вопрос: не знаю, как у Вас (надеюсь, у Вас лучше), но у меня мало проектов, которые реализованы в полном соответствии с проектом, все время какие-то искажения...

Никита Явейн Могу сказать так: процент реализации сейчас стал даже выше, чем в 1980-е годы, это было вообще парадоксальное время...

В 1990-е годы – по-разному, в Москве была своя жизнь, у нас же в Питере просто ничего практически не происходило, либо происходили очень странные вещи с участием очень своеобразных застройщиков. Поэтому прокомментировать, какова была доля реализации проектов в то время, я не могу. Я, слава Богу, тогда

8–9 лет провел на государственной службе. Эта служба мне на самом деле многое дала и по знанию города (я его сегодня, может быть, знаю, как никто другой), и по знанию людей, и по знанию того, как можно добиваться своего. Я понял, как с людьми вообще работать. Я научился убедительно говорить, отстаивать свою позицию. Все это и даже некую мудрость я приобрел в 1990-е годы на госслужбе. Этот опыт мне очень помог в будущем. Многие бы не состоялось, если бы у меня не было навыка такого балансирования, порой на грани фола, в сочетании с умением не вступать в жесткие конфликты и понимать, что ты не один в этом мире. Да, это опыт такой дипломатии.

А что касается последнего времени, тут вообще не очень понятно, что в какой мере реализуется. Сейчас, конечно, очень многое решают амбиции заказчика. И заказчики очень сложные. В последние годы госзаказчик стал абсолютно неуправляемым: с бесконечными капризами и изменениями задания, когда левая нога не знает, чего хочет правая. Коммерческие заказчики тоже не так просты. Сегодня в их среде, в крупных частных компаниях происходит жуткая бюрократизация, и они в большинстве своем становятся еще более бюрократизированными, чем государственные структуры...

ЕГ Это Вы крупные корпорации имеете ввиду?

Никита Явейн Да-да, у них уровень бюрократизации зашкаливает, и даже коррупция внутри уже сопоставима, по-моему, с государственной, если не выше. Поэтому с ними тоже довольно тяжело стало работать.

А если взять какие-то очень специальные личные заказы, связанные с личными интересами олигархов или бизнесменов, то эта зона более-менее операбельна. Но туда прорваться достаточно сложно, и надо отдавать себе отчет в том, что наивно требовать от бизнесменов понимания архитектуры. Этого можно требовать от государства, от корпорации, а от них сложно, они удовлетворяют свои причуды. И тут уже надо понимать, как убедить заказчика в том, что твои архитектурные затеи – это и есть воплощение его причуд. Это тоже своего рода искусство, которое, смею сказать, я некоторым образом освоил.

АМ Мастеру невозможно без учеников. Как Вы их выбираете?

Никита Явейн Я постоянно отбираю со своего курса в Академии художеств самых перспективных учеников, приглашаю их поработать у нас еще в период обучения в ВУЗе. Большинство остается, становится сотрудниками «Студии 44». Но люди вырастают. Вот, например, Георгий Снежкин – он у меня один из лучших учеников был, один из лидеров. Сейчас он основал свое архитектурное бюро «Хвоя» и делает свое дело. Делает успешно. Но он признается, что до сих

над ним довлеет вопрос: а что бы сказал Никита Игоревич по тому или иному поводу... И это болезнь, которая, как он говорит, ему очень мешает жить. Это я иронизирую, конечно.

Сейчас у меня есть три молодых партнера, которые ряд проектов делают во многом самостоятельно. Не всегда мне нравится, куда каждого из них «несет», но я даю им большую степень свободы. Возможно, в какой-то момент я попытаюсь отделиться и сохранить свой индивидуальный мир нетронутым. Но пока что, при параллельной разработке большого числа масштабных проектов, просто неизбежно подключение абсолютно самостоятельных людей, которые строят свои отношения с заказчиком, с подрядчиком и так далее, и ты вольно или невольно в этой ситуации становишься консультантом. Это нормально. Но эти люди, безусловно, ученики, поскольку я их вывел в профессию. Все, что они знают и умеют, они получили от меня. С третьего курса я их растил. Вообще потенциал в профессии виден уже на четвертом-пятом курсе. И в это время уже можно примерно вычислить максимальный потенциал. А будет ли он реализован – это вопрос.

ЕГ Вопрос личности той самой.

Никита Явейн Да. Никита Игоревич, надолго не прощаемся, надеемся на скорую встречу в Шерегеше.